
УДК 378.147:371

А.А. КАРАБАЛИНА, О.Х.АЙМАГАМБЕТОВА, Н. Ж.КАЖЫГАЛИЕВ,
Д.Г.НАУРЗАЛИНА, А.К. ИЗМАГАНБЕТОВ, А.А. УТЕУОВА

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (КАЗАХСТАН И БАШКИРИЯ)

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме формирования этнической идентичности современных студентов. Этническая идентичность рассматривается в контексте развития социальной идентичности личности. Проведенное исследование позволяет установить различия в стереотипах женского поведения на примере студентов из Казахстана и Башкирии. Стереотип как устойчивая система восприятия отражает отношение субъектов к той или иной ценности. В различных культурах нормы, позволяющие женщинам и мужчинам вести себя тем или иным образом, играть определенные роли в семье и обществе (гендерные роли) достаточно различны. Представления о гендерных ролях, допустимых в данной культуре, сформированные у представителей других культур, стран, этносов называют гендерными стереотипами. Для указания на то, что речь идет о том, как гендерные роли воспринимаются представителями этой же культуры (т.е. о самих себе), используют термин гендерные автостереотипы. В женских гендерных ролях и стереотипах глубинный менталитет этноса проявляется наиболее отчетливо. Поэтому исследование женских стереотипов является мощным проективным методом, позволяющим описать и понять глубинную природу установок и стереотипов той или иной страны, этноса, культуры, и тем самым способствовать разрешению многих этнических проблем.

Ключевые слова: этническая идентичность, социальная идентичность, этнические стереотипы, семантический дифференциал.

Түрек сөздөр: этникалық ұқсастық, әлеуметтік ұқсастық, этникалық стереотиптер, семантикалық дифференциал.

Key words: ethnic identity, social identity, ethnical and gender stereotypes, semantic differential.

Гендерные роли, стереотипы, автостереотипы и связанные с ними социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания и сами влияют на него (как наиболее стабильные, уходящие корнями в далёкое прошлое, передающиеся из поколения в поколение, менее подверженные изменениям в ходе развития общества). Этот ментальный уровень формируется в ходе долгой истории развития общества и имеет самые различные аспекты, как-то: исторический, социальный, экономический, культурный, религиозный, политический. Американский исследователь Г. Холфстед [1, 18] считает, что женские гендерные роли являются одним из наиболее значимых показателей общественной психологии.

Изучение гендерных ролей и стереотипов (причем не только женских, но и мужских) — очень популярная тема [2]. В работе [3] изучалась идеология маскулинности. Ж. Спенс и Р. Хейнрейч исследовали психологические характеристики маскулинности и феминности и историю формирования этих конструктов [4]. Э. Томпсон и Ж. Плек изучали структуру мужских ролевых норм [5].

Однако женские гендерные роли и стереотипы становятся объектом изучения гораздо чаще. В работе [6] рассмотрено, как воспринимают члены семьи роль матери в зависимости от того, работает она или является домохозяйкой. А. Фурнхам и К. Карани провели кросскультурное исследование взаимосвязи установок по отношению к женщинам и локуса контроля [7].

Исследования по этой тематике проводятся во многих странах. Б.Банкарт изучает установки японцев по отношению к женщинам [8]. В работе изучается отношение филиппинцев-горожан к работающим женщинам. Т. Дамжи и К. Ли исследуют гендерные роли, идентификацию и стереотипы в мусульманских странах [9]. В работе [10] изучаются структура и детерминанты гендерных женских ролей в Ирландии. Р. Хаббарт, М. Иджендум и Л. Тавечио адаптировали известный американский опросник для определения установок по отношению к женщинам на датской выборке, Дж. Парри — на английской, а Р. Лу и П. Логан использовали этот опросник в Канаде [11].

Лидирующее положение в исследованиях такого рода занимают, безусловно, американские ученые, издающие в большом количестве специальные монографии и учебники [9], [10]. В США даже существуют специально ориентированные журналы: *Psychology of Women Quarterly*, *Sex Roles*, *Journal of Gender, Culture and Health*.

Разрабатываются специальные шкалы для исследования гендерных ролей, установок и стереотипов. Наиболее часто в эмпирических исследованиях используется шкала для определения отношения к ролевому поведению женщин и нормам этого поведения, принятым в обществе, — ATW (*attitudes towards women*) (см., например, [12]) и ее модификации: укороченная версия, подростковый вариант.

Также разрабатываются шкалы для измерения отношений к маскулинности и мужским ролевым нормам [15]. Для комплексной работы со шкалами используются методы факторного анализа. Р. Бурке выделял факторные измерения на массиве данных, полученных с помощью опросников, выявляющих поло-ролевую идеологию [16]. Вслед за ним факторную структуру данных по полоролевой идеологии исследовали А.Кота и С. Ксинарис [17].

Особенно часто эта проблематика изучается в кросскультурном, сравнительном аспекте, причем наиболее распространенным вариантом исследования является использование одной из шкал, направленных на измерение гендерных установок. Подавляющее большинство этих шкал разрабатываются американскими учеными (некоторые из них мы уже называли), поэтому значительная часть кросскультурных исследований заключается в адаптации американской шкалы к другой культуре и сравнение результатов, полученных в этой культуре, с американскими. Так, в работе [18] сравнивались гендерные установки у американских и китайских студентов, в работе [19] сравнивалось отношение американских подростков и их сверстников из Гватемалы и Филиппин к женщинам, работающим вне дома, и выполняющим только домашнюю работу. Сопоставление гендерных установок американской и шведской молодежи приводится в монографии [9].

Однако отметим, что при проведении кросскультурных исследований необходимость одновременного адекватного понимания действий или высказываний представителями различных культур накладывает ограничения на использование в опросниках чисто вербальных характеристик или даже описывающих тот или иной тип поведения и требует учитывать бытующие в культуре взгляды, мнения, ценности и стереотипы обыденного сознания, находящегося в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости с индивидуальным сознанием представителей этого общества. И здесь психосемантические методы обладают большим преимуществом по сравнению со шкалами.

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования [7]. Психосемантические модели, изначально применявшимися для описания внутренней картины мира субъекта, в индивидуальной психотерапии впоследствии получили широкое распространение для исследований картин мира “обобщенного” субъекта (общественного сознания), в частности, для изучения социальных идей и связанных с ними социальных установок и поведенческих стереотипов, включая стереотипы гендерного поведения. Успешности использования психосемантических методов для изучения стереотипов гендерного поведения и связанных с ними социальных установок способствует их хорошая структурированность, яркая выраженность, обыденность, они наглядно изменяются в ходе общественного развития и трансформации социального сознания и варьируют от одного общества к другому.

Методология исследования. В нашем исследовании, имеющем целью сравнительное изучение стереотипов женского поведения, оценка отношения к различным женским ролевым позициям в России (Башкирии) и Казахстане выполнялась с помощью психосемантической методики “множественной идентификации” В.Ф. Петренко [6].

Нашей задачей было выявить и проанализировать различия в оценках и отношении к поступкам и стилям поведения женщин в Казахстане и Башкирии, описать стереотипы женского поведения в этих странах. Мы также хотели сравнить базисные основания категоризации поступков — системообразующие факторы, отражающие “стили поведения”, а также проследить наиболее характерные различия во взглядах на идеал и “хорошее” поведение в обеих странах. Вопросы (ситуации), включенные в опросник, были отобраны таким образом, чтобы они были понятны,

знакомы и не вызывали недоумения у респондентов ни той, ни другой страны.

Респондентами нашего исследования были женщины и женщины – студенты, средний возраст, которых 19,5 лет.

Процедура эксперимента была следующей. Каждому респонденту индивидуально предлагалось оценить вероятность совершения того или иного поступка из 100 возможных для каждой из шести ролевых женских позиций по семибалльной шкале (от -3 до +3). Поступки описывали возможные сценарии социально-бытового поведения женщин. В качестве ролей, по которым эти поступки оценивались, были выбраны следующие: рефлексивная роль я сама (для респондентов мужского пола предлагалось оценить роль женщины, которую он хорошо знает (жена, сестра, мать, близкая подруга и т.д.), две роли, имеющие положительную коннотацию, — идеальная женщина и счастливая женщина, отрицательно коннотирующая роль презираемой всеми женщины и стереотипы типичной россиянки и типичной американки. В дальнейшем, когда речь будет идти о точке зрения респондентов на типичную женщину своей страны, мы будем использовать термин “автостереотип”, а когда о типичной женщине другой страны — “гетеростереотип”. Кроме того, каждый респондент заполнял анонимный опросник, содержащий социально-демографические данные.

Индивидуальные матрицы всех респондентов были суммированы в четыре групповые матрицы согласно различию по двух параметрам: полу и стране проживания.

Отметим, что сопоставление усредненной мужской и усредненной женской матриц ответов на вопросы как для Башкирии, так и для Казахстана показали их значительное сходство между собой, т.е. гендерные установки у мужчин и женщин в рамках одной культуры сходны в значительно большей степени, чем между представителями одного гендера из разных культур. Наше исследование вполне согласуется с результатами, полученными на материале русских и азербайджанцев [6]. В обоих случаях была получена внутрикультурная близость. О сходных результатах говорят и другие исследователи. Еще в середине этого века известный американский антрополог М. Мид, изучая примитивные культуры папуасов, пришла к выводу, что различия между полами в различных культурах в значительной степени зависят от того, в чем и как эти культуры различаются [3, 6]. И. Дубов [4] отмечает, что значимых различий в выборе ценностей мужчинами и женщинами немного. Также минимальны различия между позициями мужчин и женщин в поддержке/отвержении высказываний о распределении

ролей в семье и обществе. Отличия во взглядах на социальную роль женщины вызваны главным образом спецификой образа жизни. Все эти исследования свидетельствуют о том, что гендерные установки и стереотипы у мужчин и женщин, принадлежащих к одной культуре, достаточно близки. Это позволяет говорить об отсутствии различных субкультур — мужской и женской, т.е. в представлениях о гендерных ролях и стереотипах люди едины в рамках одной культуры и не существует особого “женского мнения”.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наиболее простой формой обработки исходных матриц данных является сопоставление ролевых позиций путем вычисления коэффициентов корреляций для пар ролевых позиций. Сопоставляя полученные для каждой из выборок результаты, отметим более высокую степень совпадения *образа Я* (позиция я сама) с идеалом и образом счастливой женщины для американских респондентов по сравнению с россиянками (соответствующие коэффициенты корреляции r для американской выборки равны 0,41 и 0,1, для российской — 0,32 и -0,23). Такие результаты могут свидетельствовать о более высоком самоуважении, самооценке американок в сравнении с россиянками. При этом в наибольшей степени отличаются коэффициенты корреляции *образа Я* со счастливой женщиной: у американских респондентов он хоть и не значимо, но положителен, а у российских значимо (с уровнем значимости 0,05) меньше нуля. Этот факт можно рассматривать как еще одно подтверждение различного отношения к счастью, вернее, к ощущению себя счастливой в Казахстане и Башкирии.

Известный английский ученый М. Аргайл [1] в своем исследовании психологии счастья указывал на то, что человеку (американскому респонденту) свойственно оценивать себя более счастливым по сравнению с тем, как он реально себя ощущает. В нашей стране ситуация скорее противоположна: россиянин признанием себя счастливым боится “спутнуть” свое счастье и поэтому склонен жаловаться на судьбу, жизнь и т.д. И. Джидарьян [3] в своем исследовании

представлений о счастье в русском менталитете отмечает, что наши известные соотечественники в своих интервью в отличие от зарубежных коллег, особенно американских, при ответе на традиционный вопрос “Счастливы ли Вы?” стараются ответить уклончиво, без торжественных интонаций. По выражению одного известного публициста, быть счастливым у него “совести не хватает”. Еще А.С. Пушкин писал, что “несчастье жизни семейственной есть отличительная черта русского народа”. В цитируемой статье И. Джидарьян приводятся результаты кросскультурного исследования, в котором Россия по числу несчастливых людей оказалась непревзойденным лидером, оставив далеко позади себя Англию, Францию и США. Разброс показателей по странам впечатляет: несчастливыми себя считают 45 % опрошенных россиян, 25 % французов, 1 % англичан и 0 % (!) американцев.

В этой связи можно привести данные нашего исследования. Так, при ответе на вопрос о том, насколько тому или иному типажу свойственно “испытывать чувство неудовлетворенности собой”, наши соотечественницы минимальным баллом эту возможность оценили для *счастливой женщины* (-0,35) и нейтральным, близким к нулю значением (-0,03) для идеала, оценка данной возможности башкирскими женщинами носит скорее идеологический характер.

С другой стороны, несколько неожиданной выглядит также присутствующая в обеих культурах отрицательная корреляция автостереотипа (*типичная женщина моей страны*) с ролями, имеющими положительную коннотацию, и позицией *я сама*. Однако у башкирской выборки эти отрицательные значения меньше по абсолютной величине и не являются значимыми (соответствующие коэффициенты корреляции равны -0,19, -0,1, -0,07), в то время как у казахстанской выборки отрицательная корреляционная связь значима (соответствующие коэффициенты корреляции равны -0,63, -0,41, -0,52 с уровнем значимости, не превышающим 0,05).

Анализ приписывания поступков ролям, имеющим различную коннотацию, казахстанками женщинами и башкирками свидетельствует о сходных ценностных ориентациях и установках, совпадении положительно и отрицательно оцениваемых сценариев поведения женщины в обществе.

Так, например, респондентки обеих стран высоко положительно оценивают для женщины наличие высшего образования и профессии высокой квалификации. Женщина должна уделять внимание своей внешности, здоровью, заниматься спортом, туризмом, посвящать свободное время творческой деятельности, искусству. Идеальные семейные отношения должны строиться на принципах равноправия.

С точки зрения респондентов обеих стран, женщина не должна заниматься проституцией, пить, курить, употреблять наркотики, рассчитывать на помощь родителей, не желая работать, выходить замуж без любви, по расчету. Отрицательно оценивается женщина бездетная (не желающая иметь детей, полагающая, что лучше прожить жизнь без них) и неверная (изменяющая мужу), женщина, не выполняющая свой долг жены и матери (готовая развестись с мужем-инвалидом или отказаться от ребенка-инвалида).

Можно сказать, что в обеих культурах существуют близкие общечеловеческие ценности и отношение к женщине как к великой силе, способной их реализовать, а потому в наибольшей степени ответственной за эту реализацию.

В то же время выявлены и определенные различия, относящиеся главным образом к предпочтаемым стилям жизни, что проявляется в профессиональном выборе, выборе желаемого спутника жизни.

Так, с точки зрения казахстанских женщин, женское счастье особенно полно может быть реализовано в семье. По их мнению, счастлива женщина, имеющая возможность посвятить свою жизнь семье, быть домохозяйкой, заниматься рукоделием, кулинарией. Роль матери, жены особенно подчеркивается. Негативно оценивается и разведенная женщина.

Для башкирок ситуация выглядит несколько по-другому, особенно актуальной для респондентов стала проблема SELF MADE WOMAN, женщины, которая сама себя создала. Подчеркивается роль самоактуализации, профессионального развития, однако семейные ценности – Брак, носит не обязательный характер. В Башкирской выборке мы наблюдаем смену парадигм, переход от традиционной культуры к эгалитарной.

Графическая форма представления данных существенно облегчает анализ и интерпретацию

данных. Можно выделить и наглядно изобразить некоторые смысловые блоки. К таковым были отнесены пункты опросника, отражающие отношения женщин к браку и выбору мужа и профессиональному самоопределению.

Среди пунктов опросника был ряд суждений, отражающих брачные предпочтения женщин, возможные в обеих странах. Выбор мужа, когда речь идет не о конкретном человеке, а о социальной категории, характеризуемой в терминах профессии, материального положения, этнической принадлежности и т.д., тесно связан с выбором женщиной наиболее предпочтительного образа и стиля жизни. Выбор мужа — это персонифицированный выбор жизненных ценностей и норм. Таким образом, анализ брачных предпочтений позволяет оценить систему ценностных ориентаций и является одним из наиболее популярных направлений кросскультурных исследований [2].

Наиболее предпочтительным для казахстанских женщин является брак с человеком более высокого социального статуса (0,63) и чуть меньше — с простым человеком, хорошим хозяином, живущим “земными” проблемами (0,44). В этих сценариях замужества просматривается желание найти в браке безопасность, стабильность, гарантированный жизненный уровень либо за счет более высокого статуса мужа, либо за счет того, что он сам будет решать все эти вопросы. Целый ряд вопросов в анкете касался отношений в семье. И башкирские и казахстанские женщины наиболее предпочтительными считают равноправные отношения в семье.

Зафиксированные сходства и различия в отношении оценок женского поведения, жизненных сценариев и т.д. отражают более глубинные сходства и различия ценностных ориентаций и установок двух культур. Так, на примере нашего исследования не было выделено каких-то возможных поступков, жизненных сценариев, которые бы принципиально по-разному оценивались в наших странах. Мы сходным образом понимаем, “что такое хорошо и что такое плохо”. Результаты нашего исследования можно интерпретировать с помощью теории социальной идентичности, согласно которой социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп или категорий, то есть посредством явления социальной категоризации. Последствием социальной категоризации может являться стереотипизация, основная социально-психологическая функция которой заключается в межгрупповой дифференциации. Оценка собственной этнической группы индивидом определяется взаимоотношениями с некоторыми другими этническими группами через социальное сравнение ценностно значимых качеств и характеристик. Сравнение, результатом которого становится положительное отличие своей этнической группы от чужой, порождает высокий престиж и положительную социальную идентичность, соответственно автостереотипные характеристики также будут иметь положительную валентность.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аргайл М. Психология счастья: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- 2 Арутюнян Ю., Дробижева Л., Сусоколов А. Этносоциология. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 1998.
- 3 Джидарьян И.А. Представления о счастье в русском менталитете // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 3. С. 13–25.
- 4 Дубов И.Г. (ред.) Ментальность россиян. М.: АСТ, 1997.
- 5 Митина О.В. Исследования женского гендерного поведения в социальном и кросскультурном аспектах // Общ. науки и современность. 1999. № 1. С. 179–191.
- 6 Петренко В.Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 22–38.
- 7 Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- 8 Bankart B. Japanese attitudes toward women // J. Psychol. 1985. V. 119. P. 45–51.
- 9 Basow S. Gender stereotypes and roles. CA: Brooks/ Cole Publ. Comp., 1992.
- 10 Beere C. Gender roles: A handbook of tests and measures. NY.: Greenwood Press, 1990.
- 11 Beere C. et al. The sex-role egalitarianism scale: A measure of attitudes toward equality between the sexes // Sex Roles. 1984. V. 10 P. 563–576.
- 12 Bhadra B., Girija P. A scale for the measurement of attitudes towards women // Asian J. Psychol. and Educ. 1976. V. 1. P. 41–44.
- 13 Bhushan L. Women's social freedom scale // Psychologia. 1981. V. 24. P. 239–243.
- 14 Bollman S. et al. Family members' perceptions of actual and ideal maternal roles as a function of maternal employment // Perceptual and Motor Skills. 1988. V. 67. P. 185–186.
- 15 Brannon R. A scale for measuring attitudes about masculinity // Sargent A.G. (ed.). Beyond sex roles. St. Paul, MN: West, 1985. P. 110–116.

- 16 *Buhrke R.* Factor dimensions across different measures of sex role ideology // *Sex Roles*. 1988. V. 18. P. 309–321.
- 17 *Chia R., Allred L., Jerzak P.* Attitudes toward women in Taiwan and China: Current status, problems and suggestions for future research // *Psychol. Women Quart.* 1997. V. 21. P. 137–150.
- 18 *Chia R. et al.* Cultural differences in gender role attitudes between Chinese and American students // *Sex Roles*. 1994. V. 31. P. 23–30.
- 19 *Cota A., Xinaris S.* Factor structure of the sex-role ideology scale: Introducing a short form // *Sex Roles*. 1993. V. 29. P. 345–358.

*A.A. Карабалина, О.Х.Аймагамбетова, Н. Ж.Қажығалиев,
Д.Г.Наурзалина, А.К. Измаганбетов, А.А.Өтөуова*

Қазақстанда және Башкирияда әйел адамның стереотиптік мінез-құлқы орнату мүмкіндіктері

Резюме

Аталмыш мақала қазіргі студенттердің этникалық ұқсастығын қалыптастыру проблемасына ариалады. Этникалық ұқсастық түлғаның әлеуметтік ұқсастығы дамуының контекстінде қарастырылады. Откізілген зерттеу Қазақстанда және Башкирияда әйел адамның стереотиптік мінез – құлқын орнатуга мүмкіндік береді.

*A.A. Karabolina, O.Kh.Aimagambetova, N.Zh.Kazhygaliyev,
D.G.Naurzalina, A.K. Izmagambetov, A.A.Uteuova*

Research of stereotypes of woman behavior (Kazakhstan and Bashkiria)

Summary

There is evidence to suggest that ethnic identity represent a social transformation of human attitudes. Gender stereotypes have been investigated as a key factor of ethnic identification. The research shows us different comprehension of language structure depends on student's faculty. Stereotype is widely held but fixed and oversimplified image or idea of a particular type of person or thing. Stereotype as a stable system of perception reflects the attitude of the subjects to a particular value. In different cultures, rules that allow women and men to behave one way or another, to play certain roles in the family and society (gender role) are quite different. Ideas of gender roles, admissible in this culture, created at representatives of other cultures, the countries, ethnoses call gender stereotypes. To indicate that we are talking about how gender roles are perceived by members of the same culture (ie, about themselves), use the term gender autostereotypes. In female gender roles and stereotypes the deep mentality of ethnos is shown most distinctly. Therefore research of female stereotypes is the powerful projective method, allowing to describe and understand the deep nature of installations and stereotypes of this or that country, ethnos. In our research we investigated female stereotypes of kazakh and bashkir students. We found a strong evidence of culture influence on female behavior; even both samples are quite close to each other “Kazakh” and “Bashkir”.

Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова:

Наурзалина Д.Г. – Доктор PhD в области психологии, доцент кафедры специальной психологии и педагогики

Карабалина А.А. – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии и педагогики.

Қажығалиев Н. Ж. – ст.преподаватель кафедры кафедры специальной психологии и педагогики.

Измаганбетов А.К. – преподаватель кафедры кафедры специальной психологии и педагогики.

Утейрова А.А. – ст.преподаватель кафедры кафедры специальной психологии и педагогики.

Аймагамбетова О.Х.– Доктор психологических наук, профессор кафедры этнической и общей психологии. КазНУ им. Аль-Фараби